

Русская религиозная философия в контексте российской культуры «золотого века» и западноевропейской философии эпохи Просвещения

Наше время – время возвращения в общекультурное пространство России огромного количества артефактов культуры – от возрожденных монастырей и храмов до великих имен, а значит – это время подлинного возвращения к своей истории и культуре.

И вместе с решением этой задачи встает и следующая, не менее важная задача – осмыслить сущность возвращаемой культуры, понять ее значение для нашего времени, а в этой связи заново понять и сущность всей нашей культуры. Поразительно, но с каким трудом дается нам постижение своей культуры, даже в ситуации, когда идет широкое возвращение к ней.

1. Русская религиозная философия: общее пространство и содержание.

Одним из самых важных культурных феноменов, возвращенных в нашу культуру, является русская религиозная философия. К этому направлению философской мысли России сегодня прежде всего относят мыслителей соловьевской школы – от Н.А. Бердяева до А.Ф. Лосева.

Однако будет более правильно причислить к этому направлению философской мысли деятелей XIX – первой половины XX века, творивших в пространстве православного мировоззрения – это деятели, начиная с И.В. Киреевского и А.С. Хомякова. К этому числу принадлежит и учитель В.С. Соловьева – П.Д. Юркевич, и, безусловно, Н.И. Пирогов, К.Д. Ушинский, С.А. Рачинский и др.

К этому же направлению относится и весь поток религиозных поисков художественной культуры этого времени, так как она стала важнейшим пространством решения смыслообразующих вопросов российского общества XIX века. И неслучайно в русской литературе видели, например В.В. Зеньковский, М.А. Лифшиц и др., русскую философию.

В этот же поток безусловно следует включить и богословскую мысль, представленную множеством имен, в том числе и великих: митрополит Филарет Московский, епископы Феофан Затворник и Игнатий Брянчанинов, праведный Иоанн Кронштадтский.

В то же время сегодня не только требуется возратить это направление русской философии в общее пространство российской культуры, но и системно его осмыслить.

Безусловно, говоря об этой культуре, нельзя забывать, сколько недостатков и заблуждений в ней было. И ошибались не только представители консервативного направления, например К.П. Победоносцев. Человек энциклопедических знаний и прекрасных аналитических способностей, он одним из первых увидел глубочайшие социальные проблемы современного мира. Увидел их не хуже, чем многие революционеры. Да, он и сам одно время был революционером. Но он одним из первых понял, что кричащие социальные проблемы не только не решаются людьми, обличающими их, но и часто используются отдельными людьми или социальными группами в своих эгоистических целях. Он многое сделал как государственный деятель. Как человек многим помогал, даже П.И. Чайковскому. Как блестящий государственный деятель многое создал. Например, фактически он организовал церковно-приходскую школу, в жизни которой участвовал буквально весь народ: священство и клир, крестьяне и дворяне. И это была, видимо, лучшая народная школа в истории человечества – приведите в пример другую школу, где давали бы такой же уровень духовно-нравственного развития крестьянским детям.

Но способ решения всех главных социальных проблем России? «Подмораживание»! Политическое, религиозное, педагогическое! Европа создает высшее женское образование – Победоносцев категорически против. Церковь требует живой жизни – Победоносцев замораживает в Церкви едва ли не все.

Ошибались и великие творцы. Причем подчас эти ошибки были настолько наивно потрясающими, что все внимание на них и фиксировалось, а не на тех великих открытиях и прозрениях, которые являли эти люди. Например, чего стоило требование И.В. Киреевского не обучать в народных школах современному русскому языку, а только церковно-славянскому. Хотя по-своему он прав, церковно-славянский язык – это не только глубина, недоступная современному языку, но это язык, на котором не было написано, может быть, ни одного плохого произведения, не было написано ни одного бранного слова. Следует заметить, что жизнь поправила его в этом вопросе – С.А. Рачинский и широкая практика церковно-приходской школы потом ввели изучение современного русского и церковно-славянского языка в их единстве.

Н.В. Гоголь дает советы помещику, как вести беседы с крепостными. Но чтобы его советы работали, помещик должен был быть истинным христианином и прекрасным земледельцем. А дворяне чаще всего ни тем, ни другим не были. К тому же эти советы давались в то время, когда крепостное право уже давно стало анахронизмом и совершенно аморальным явлением. И можно перечислять и перечислять такого рода ошибки.

Однако не эти ошибки, отчасти реальные, отчасти мнимые, а чаще всего казавшиеся таковыми не очень далеким их современникам определяют ценность этой культуры. Важны их открытия и их прозрения, то, что по-настоящему и значимо для России и человечества.

Русская культура этой эпохи, отличаясь широким проявлением творимого в самых разных областях от поэзии до богословия, дала миру огромный веер глубочайших решений самых важных проблем человечества. И громадный вклад в общую сокровищницу этих достижений вносит религиозная философия. Поэтому очень важно понять то значимое и великое, что есть в русской религиозной философии этого периода и ее вклад в российскую и общечеловеческую культуру.

В то же время если русская художественная культура получила подлинное признание в России едва ли не сразу же после ее создания, и уже давно признана одним из высших достижений мировой культуры, то русская религиозная философия

этого времени по-настоящему еще не осмыслена. И виной тому множество причин. И не только та, что требуется определенное время, чтобы по-настоящему осознать то или иное явление культуры, ее действительную значимость.

Ситуацию усугубило то, что доминирующее в общественном сознании образованного слоя России, радикальное мировоззрение, отсылало все создаваемое деятелями, придерживающимися религиозных взглядов вместе с ее творцами, в лучшем случае, в разряд консервативного, в худшем и чаще всего реакционного и ретроградного, а то и просто ненормального. Так, даже таких гениев как Н.В. Гоголь и Ф.М. Достоевский русское общественное мнение объявило сумасшедшими. В этом случае получить какое-то подлинное общественное признание религиозные учения не могли по определению. Наступившая затем революция, вычеркнула из жизни страны вообще всю эту культуру, сделав невозможным ее существование в нашей стране.

В результате, русская религиозная философия, как и страна, была сбита на взлете. Она уже сложилась как мощное теоретическое направление отечественной философии. Но для признания требуется какое-то время, тем более нужно время, чтобы преодолеть отрицательные предубеждения, а этого времени физически не хватило религиозной философии. И хотя, по счастью, часть выдающихся русских религиозных философов оказалась после 1917 года за границей, но едва ли изучение русской религиозной философии в ее целостности входило в задачи западной философии; а в СССР изучение религиозной философии, богословия было практически невозможно, или возможно на уровне полуподпольного существования – в духовных академиях, не издаваемые труды, например, рукописи В.И. Несмелова.

Чтобы понять, насколько трудно осмыслить эту культуру, достаточно понять, что не только ее возвращение в русскую культуру стало возможным в 90-е годы XX века, но и ее изучение стало возможно только в это время.

Говоря в целом об изучении русской религиозной философии следует подчеркнуть то, что по-настоящему она может быть понята только в том общем культурном пространстве, в котором она развивалась: в пространстве русской культуры эпохи Просвещения, получившей название «золотого века» русской культуры, и в пространстве западно-европейской эпохи Просвещения. Причем – это не только одно из высших достижений русской и мировой философии, но и поскольку она органично развивалась как в контексте русской культуры, так и западноевропейской – их важнейшая и неразрывная часть.

Следует также и оговориться, что когда иногда говорится, что русская религиозная философия вторична, достаточно задать элементарно простые вопросы: Гегель вторичен по отношению к Канту? Тогда по отношению к какой философии, начиная с А.С. Хомякова, вторична русская религиозная философия? Нет, она столь же оригинальна, как оригинален Гегель по отношению к Канту.

Таким образом, нам необходимо понять сущность русской религиозной философии и ее значение для современной России. И сделать это можно только в контексте того культурного пространства, в каком она развивалась.

2. Русская религиозная философия в контексте золотого века русской культуры.

Эпоха русского Просвещения – это время создания великой русской культуры Нового времени, эпоха, явленная высшими достижениями во всех сферах русской культуры от богословия до техники. И потому, чтобы понять эту эпоху, надо осмыслить не отдельные имена и явления этой эпохи, а саму эпоху в целом.

Где начинается и где кончается эпоха русского Просвещения? Это пространство относительно условно, как достаточно условны и границы других культурных, да и исторических эпох. Считается, что эпоха Возрождения начинается А. Данте и завершается М. Монтенем, который во многом и отрицает эту эпоху. Эпоха немецкого Просвещения – это эпоха, начинающаяся с Г.Э. Лессинга, И.Г. Гердера, с их великим упованием на прогресс, и завершающаяся Ф. Ницше, который отрицает не только эпоху немецкого Просвещения, но и все западноевропейское Просвещение. Он истинный основоположник духовности модернизма – духовности темной, оккультной, и провозвестник постмодернизма – культуры, абсолютного разрушения человека и общества.

В России эпоха Просвещения, с ее культом знания, образования, техники начинает отчет с Петра Великого с его европейскими реформами. Предысторию эпохи русского Просвещения можно возвести к М.В. Ломоносову. А начало культуры собственно русского Просвещения начинается с А.С. Пушкина и завершается первой половиной XX века, хотя реально, как затухающая волна, уходит в 90-е годы XX – начала XXI столетия. Вообще, в целом русская эпоха Просвещения не знает своего четкого отрицания. И если взлет художественной культуры русской эпохи Просвещения завершается началом XX века, то богословие и философия развиваются всю первую половину XX века, а старчество было явлено и на протяжении всего XX века. Великую советскую культуру в значительной мере можно рассматривать как второй расцвет именно русской эпохи Просвещения. И сегодня эта культура тихо догасает на наших глазах. В конце XX–начале XXI вв. живут ее последние великие творцы: такие как Г.В. Свиридов, В.И. Белов и др.

К сожалению, говоря об этой эпохе, мы чаще всего ограничиваем ее осмысление пространством художественной культуры: литературой – от А.С. Пушкина до А.П. Чехова; музыкой – от М.И. Глинки до П.И. Чайковского; изобразительным искусством – от К.П. Брюллова до И.Е. Репина, то есть культурой, уже получившей свое всеобщее мировое признание.

Однако к пространству величайших достижений русской культуры этой эпохи, безусловно, принадлежит не только художественная культура. Поэтому изучение достижений этой эпохи требует изучения всего многообразия русской культуры этого периода и духовной, и теоретической. А для этого важно осмыслить эту культуру в единстве художественной, духовной и теоретической культуры.

В этой связи нельзя согласиться с деятелями, которые утверждают, что та или иная сторона этой культуры не принадлежит русской культуре. Так, с одной стороны, в православной среде бытует мнение, что светская культура, включая А.С. Пушкина, – это от лукавого; с другой, – в среде интеллигенции существует идея, что православие – это не российская культура, да и вообще не культура.

Однако такое противопоставление разных частей русской культуры не только искусственно, но и глубоко ошибочно. Понять сущность российской культуры этого времени можно только в его, пусть и очень противоречивом, но единстве.

Нет нужды доказывать величие и общечеловеческую значимость светской русской художественной культуры эпохи Просвещения от музыки до архитектуры. И столь же великое достижение России этого времени – высота ее духовной жизни, явленной в расцвете духовной жизни Православной Церкви, ее монастырей, во множестве фактов святости, в том числе и ее великих святых от Серафима Саровского до Иоанна Кронштадтского. Этот великий подъем духовной жизни России породил явление, получившее название старчества, которое процветало в России, и не только в ее широко известных монастырях: Оптиная пустынь, Глинская пустынь, Валаамский монастырь и др., но и в жизни многих великих подвижников православия.

Не меньшее значение имеет теоретическая культура, явленная, с одной стороны, в трудах великих богословов-мыслителей от митрополита Филарета (Дроздова) до Иоанна Кронштадтского и архиепископа Иллариона (Троицкого); а с другой, – в русской научно-философской мысли.

Говоря о научно-философской мысли России этого периода, следует признать, что это целостное явление. Но в то же время очевидно, что в ней, как и в любой другой философии, есть те деятели, чьи труды составили ее вершину. Высшим достижением российской философии, как очевидно сегодня, стала религиозная философия, представленная целой плеядой великих мыслителей от А.С. Хомякова до архиепископа Иллариона (Троицкого).

Таким образом, нам важно сегодня осознать все части русской культуры: художественной: литература, живопись, музыка, архитектура; духовной, явленной в полноте православия; теоретической: богословие, философия, наука, – в их органичном единстве и целостности. И только в этом пространстве мы можем понять всю значимость совершенного в русской религиозной философии.

Интересно, что русские люди все время сожалели, что великий гений России – А.С. Пушкин и ее величайший святой – Серафим Саровский не встретились при жизни. Однако стихотворение Пушкина «Старец» и его рисунки к этому стихотворению позволяют надеяться, что эта встреча все-таки состоялась. И скорее всего осенью 1831 года.

Какие же самые важные открытия совершает в этот период русская культура? Первое, – осознание подлинной ценности русской народной культуры. Возвращение к русской народной культуре было очень трудным, подчас драматичным. Требовались гений и невероятные усилия ее творцов, будь то А.С. Пушкин или Ф.М. Достоевский, чтобы прорваться к русской народной культуре. Они не только осознают величайшее значение русской народной культуры, но по-настоящему осваивают ее. Ее содержание и смыслы становятся подлинной основой их творений.

Заметим, что в этом русская культура близка европейской, и особенно немецкой культуре, которая также прорвалась к своей национальной культуре. Кант – это космополит, человек мира. Но большинство – Гете, Шиллер, Гегель и др. – это истинные немцы, притом немцы, прорвавшиеся к своей национальной культуре. И в этом прорыве к своей культуре, опираясь на мировую культуру, они творят шедевры, имеющие общечеловеческое значение.

Прорыв к своей народной культуре, ее смыслам, ее значениям, ее ценностям стал тем живым источником творчества русской культуры, который обогащал ее всю, в том числе и религиозную философию.

Однако самым главным открытием, по-своему значению превосходящим первое, стало осознание подлинной сущности и значения православия. Если западная культура, ее великие деятели уходят от христианства, зачастую никак не позиционируя этот уход, то великие деятели русской культуры, в абсолютном большинстве своем, начиная как атеисты, затем приходят к православию. Осознание подлинного содержания и смысла православия и Православной Церкви, его значение для человека, России и всего человечества. Вот главное открытие русской культуры эпохи Просвещения. Значительный вклад в это открытие внесли русские религиозные мыслители от славянофилов до архиепископа Иллариона (Троицкого) и философа И.А. Ильина. В своих открытиях они пришли к тем же выводам, что и митрополит Иларион Киевский: человек не может жить без Бога, без веры. Истинная вера – это христианство; истинное христианство – это православие. Самое важное сокровище русского народа, русской культуры, науки и философии – это православие.

Это открытие, как оно не просто само по себе, стоило огромных трудов его авторам. И оно тем более значимо, что к нему русские деятели приходили в трудных, чаще всего драматических, а то и катастрофических жизненных обстоятельствах. Редко кто из них с детских лет не был верующим, а потом не потерял веру. И приходили они к осознанию подлинного смысла и значения православия путем испытаний, путем страданий, нередко на смертном одре – К.Н. Леонтьев или Амвросий Оптинский, на тюремных нарах – Ф.М. Достоевский или Л.А. Тихомиров.

А теоретической предпосылкой их возвращения было глубокое понимание западной культуры и понимание ее слабых мест; и прежде всего отрицание в той или иной форме христианства.

Таким образом, главное открытие российской культуры, как ни банально это звучит, с одной стороны, Бог, потому что Бог не меньшая реальность, чем физические законы, потому что они созданы Богом, вместе с самой Вселенной; с другой – человек религиозный, человек верующий, человек православный.

И здесь важно подчеркнуть следующее. Да, деятели западной культуры в большинстве своем не отвергали Бога. Но для западной культуры Бог – это просто абстрактная идея, Бог вообще, существо, почивающее от дел своих. Для русской культуры: Бог – это личный Бог, это моя личная жизнь. Если взять всю полноту русской культуры от ее художественной культуры – от М.И. Глинки до Г.В. Свиридова, от А.С. Пушкина до В.И. Белова, ее науки, ее философии – от А.С. Хомякова до А.Ф. Лосева; ее богословие – от митрополита Филарета (Дроздова) до схиархимандрита Иоанна (Маслова), то это открытие живого, личного Бога; встреча и жизнь с которым возможны только в Православной Церкви.

И в этом восстановлении сущности и смысла православия русская культура пришла к возрождению святоотеческого наследия, богатейшего богословского, духовно-нравственного наследия Восточной церкви, Византии. В отличие от эпохи Просвещения, Запада, возрождавшего антично-языческую культуру. Немецкие классики эпохи Просвещения от Викельмона до Гегеля возрождали античную классику. Русские мыслители стремились к возрождению святоотеческой культуры. И в этом свете они понимали и античную культуру.

В то же время, поняв христианство как абсолютно необходимое условие существования человека и человечества, поняв подлинное значение и смысл православия, как истинного христианства, русские мыслители, и не только богословы, философы, но и деятели всей русской культуры принципиально иначе поняли и дали решения важнейших проблем и человека, и общества: духовных, нравственных, философских, социальных, экономических, педагогических и т.д.

Таким образом, русская религиозная философия, развиваясь в главном потоке глубинных поисков русской культуры эпохи Просвещения, в потоке ее важнейших прозрений и открытий, внесла свой великий вклад в эту культуру.

3. Русская религиозная философия – высшее достижение европейской философии Просвещения.

По-настоящему понять русскую религиозную философию можно только в контексте западно-европейской культуры, потому что ее развитие, как и развитие всей русской философии, происходило не в отрыве от общего пространства развития мировой философской мысли того времени, а на ее магистральном пути.

Чем похожа и чем не похожа философия эпохи Русского Просвещения на философию эпохи Просвещения европейских стран? Она похожа тем, что учится. И не только у Западной Европы, у Древней Греции и Древнего Рима, но и у Востока – прежде всего православного. Похожа она и тем, что имеет своего учителя, и в то же время активно оппонирует ему. Она учится у Западной Европы, но активно полемизирует с ней, подобно тому, как французские просветители учились у английских и спорили с ними, немецкие – у французских и английских, и очень резко, нередко жестко критиковали их, особенно французских деятелей культуры.

Похожа и своим отношением к изучаемому: от полного отрицания Запада до его абсолютного, даже рабского принятия, вплоть до ненависти ко всему отечественному, до полного отрицания отечественной культуры, до перехода в другую культуру. Похожа даже тем, что в ней, как, например, и в немецком Просвещении, ее деятели раскололись на два больших направления, где одно направление – это ученики и верные последователи французских просветителей; второе, – ее гении от Лессинга до Гете и Гегеля, – творцы великой немецкой культуры, резко противопоставившие себя французской культуре, и особенно просветительскому направлению немецкой культуры этого времени.

У России – тоже самое. Было направление, представленное плеядой талантливых деятелей, которые верно шли за западной культурой, хотя и сохраняли при этом собственную позицию: Чернышевский – за Фейербахом, Ленин – за Марксом. Вспомним вообще бесконечные споры русской интеллигенции за право считаться истинными марксистами.

И было особое направление, которое пошло дальше своих зарубежных, а значит и своих российских коллег. И этим направлением является русская религиозная философия. Ее деятели, прекрасно зная западную культуру, подчас в дружеском, а подчас и резко противопоставлении с Западом, создавали свои оригинальные творения. Достаточно назвать имена от И.В. Кириевского, А.С. Хомякова до Н.А. Бердяева, С.Л. Франка.

При этом они заняли позицию активного и всестороннего оппонирования западной культуре не потому, что они хотели показать себя, свою оригинальность и самобытность, особую самобытность и особую истинность русской культуры самой по себе, в чем их упрекали оппоненты, хотя они признавали особую ценность православия, не потому, что православие – это «наша» религия, а потому что православие истинная религия. И потому, что они видели слабые места западной культуры, видели иное решение проблем, нежели предлагали западные мыслители, видели неправильность самой постановки проблем и предлагали свое видение и свое решение проблем. И это позволяло им выйти на более высокий уровень понимания мира, человека, общества, культуры нежели это было в западно-европейской эпохе Просвещения.

В целом же позиция учебы-оппонирования деятелей религиозно-философского направления России, скажем об этом еще раз, напоминает позицию того крыла немецких деятелей культуры по отношению к французской культуре, которые не только учились, но всесторонне критиковали французскую культуру. Но опираясь на критику французской культуры, они создали свою, во многих отношениях более высокую культуру.

Русская религиозная мысль родилась, как не парадоксально это звучит, прежде всего как органичное развитие западноевропейской культуры, философии. Более того, практически все русские деятели пережили период полного отрицания своей культуры, период увлечения европейской культурой, период работы в рамках этой культуры, и уже затем – как логическое продолжение развития этой культуры приходят к ее критике и созданию своих оригинальных теорий, в том числе и благодаря возвращению к русской культуре, и православию. И в этом творческом процессе русская религиозная философия, давая ответы на вопросы, сформулированные в западной философии, выходят на принципиально новый уровень своего развития, и вместе с тем развития мировой философии.

Следовательно, развитие русской философии шло по столбовой дорожке мировой культуры и было продолжением этого развития. Но русские философы, будучи выдающимися мыслителями, хорошо поняли фундаментальные недостатки западной философии и вышли на более высокий уровень решения ее проблем. И в этом не только заслуга русских мыслителей, но и западных. По сути дела русские мыслители оказались в таком же положении по отношению к западным мыслителям, в каком в свое время немецкие были по отношению к английским и французским просветителям. Они смогли хорошо освоить их философию, понять их принципиальные недостатки и благодаря этому выйти на более высокий уровень развития философии.

Чтобы понять, что именно было создано русскими мыслителями, укажем на наиболее важные решения русской религиозной философии. Это легче всего понять, сравнив ее с западной, и прежде всего с немецкой философией как одним из высших достижений философской мысли человечества.

3.1. Открытие Бога.

Самое важное открытие русской философии – открытие Бога. В своих теоретических поисках и независимо друг от друга они приходят к выводу: без осознания Бога нельзя решить ни одной фундаментальной теоретической проблемы, и прежде всего понять самого человека. Поэтому Бог есть не что-то случайное и привходящее в их философских поисках, но подлинная основа их философских учений. Понять мир, человека, общество, понять само познание возможно только тогда,

когда мы осознаем определяющую роль Бога в судьбе мира, в судьбе человека и человечества. Открытие Бога – это альфа и омега русской религиозной философии.

И в этой связи не менее важное открытие – открытие православия и православной Церкви. Осознание православия как важнейшего явления духа и культуры для всего человечества, как величайшего культурного достижения всего человечества, понимание, что только Православная Церковь дает возможность истинного бытия человека и общества в Боге, что только православное богословие принципиально правильно понимает духовное пространство мира.

И открывая для себя и в своем творчестве Бога, великие деятели русской культуры этой эпохи, прекрасно освоившие западную культуру, смогли раньше и лучше самих европейцев понять, не только ее сильные стороны, но и слабые. Поэтому они раньше самих европейцев поняли, что Запад серьезно болен, и самая главная его болезнь – угасание духа христианства. А поэтому Западу грозят великие беды (и в этом русские мыслители действительно не ошиблись), и то, что западная философия, наука предлагает отнюдь не оптимальные решения даже социальных проблем. (Кстати, интересно и то, что и многие русские западники по-настоящему разочаровались в Западе – и В.Г. Белинский, и А.И. Герцен и др.).

Осознание вселенской истины Православной Церкви – величайшее открытие русской религиозной мысли. И к этому открытию, хотя и не в равной мере и с совершенно разных позиций, но приходят гениальные деятели всей русской культуры. Подчеркнем еще раз – это важнейшее открытие русской религиозной философии не было открытием только философии, но всей российской культуры. И это одно из величайших открытий в истории мысли всего человечества и для всего человечества.

3.2. *Духовность – как родовая характеристика человека и человечества.*

Безусловно, ценность философии заключается в самой философии, подобно тому, как ценность поэзии – в самой поэзии, а науки – в самой науке. Но в то же время, если философия начинает жить исключительно своей жизнью, если философия не решает вопросы жизни, то эта философия становится мертвой. Само замыкание философии в самой себе – это точнейший признак ее вырождения.

Что является главным предметом изучения философии? Безусловно, – человек. Его место в мире, его отношение с миром. Что же дала русская религиозная мысль принципиально нового в понимании человека?

Она – как это не покажется парадоксальным – *открыла человека*. Конечно, это утверждение вызовет удивление. Но чтобы понять все значение этого открытия русской религиозной философии, мы напомним главное прозрение современных антропологических наук: антропология и психология потеряли человека, педагогика потеряла ребенка. Это выводы лучших современных мыслителей.

Возникает вопрос: почему же современная наука потеряла человека? То ли потому, что человека не стало? То ли потому что они неправильно его изучали? Думается, что все-таки, скорее всего, второе. А тогда возникает вопрос: что же самое главное в своих поисках было потеряно в человеке современной наукой?

Если ответить одним словом, то самое главное, что потеряла западноевропейская философия и наука и российская философия и наука, развивающиеся в ее русле, в изучении человека, – душу человека. И в силу этого закономерно потеряла и самого человека, потому что именно духовность и есть та родовая характеристика, которая принципиально отличает человека от всего живого. А потеряв духовность, наука исключила для себя изучение собственно человека в человеке. А если она исключила в своих поисках собственно человеческое в человеке, то как она может понять человека?

Соответственно, важнейшее открытие русской религиозной мысли – открытие души, духовности, духа как основополагающей характеристики человека. Отсюда принципиально иной подход к пониманию человека, в том числе и к пониманию исходной родовой деятельности человека.

В понимании человека важнейшим становится нацеленность на изучение всей полноты человека, где духовная сфера – самая значимая сфера в человеке, потому что именно она составляет основу человечности человека.

В сущности, если говорить о соотношении между телесной, психической и духовной сферами человека, то соотношение между ними, как соотношение между Землей, Солнечной системой и Вселенной (а человека нередко и называют Вселенной, не осознавая, насколько глубоко и верно это сравнение).

Из этого сравнения становится понятным тот простой факт, почему человек, прежде всего, открывает себя со своей телесной стороны. Затем он изучает, но в гораздо меньшей степени психику. И уже почти не изучает дух. Если оценить сегодня все имеющиеся знания о человеке, то девяносто процентов всех знаний будут знаниями о теле человека; при этом он с удивлением обнаруживает, как он мало знает даже о своем теле, процентов восемь – это открытия о психике и процента два – о духе. Конечно, есть громадная святоотеческая литература. Но насколько она вошла в современное мировоззрение? Почти не вошла. А потому в современной науке только наиболее глубокие мыслители указывают на отдельные феномены проявления духа: инсайт, озарение, интуиция, разум, молитвенное состояние. Однако, собственно этим и исчерпываются представления современной науки о духовной сфере.

Но ведь если человеку с Земли звезды кажутся крохотными светлячками, то это совсем не значит, что они на самом деле ими и являются. На самом деле звезды – это Вселенная, далеко превосходящая своими размерами Солнечную систему, и уж тем более Землю. Поэтому на самом деле в психике человека скрыто тайн человека куда больше, чем в его теле. А в духе больше, чем в психике.

Итак, выходя на новый уровень понимания духовности и опираясь на представление о трехуровневом строении человека: тело, душа, дух, русские религиозные философы поняли, что человек – это принципиально иное существо, нежели существо живое. И своему принципиальному отличию от всего живого он в первую очередь обязан своей духовности, а поэтому духовность и составляет сущность человека. (Заметим, что в западной философии, даже если и рассматривается

трехуровневое устройство человека, то дух сводится к мышлению. Наиболее полно и системно этот теоретический образ человека представлен в философии Гегеля.)

Русские философы исследуют духовность и делают важные открытия. Например, они приходят к пониманию, что святость – это норма духовно-нравственного развития человека, как здоровье – норма телесного развития человека. Соответственно, подобно тому, как болезнь – это патология тела, живого организма, точно также духовно-нравственная деградация есть патология духа. И подобно тому, как телесная болезнь порождается своими причинами, духовно-нравственная деградация порождается своими причинами, которые называются грехами.

Духовность человека – это образ Божий. Поэтому вопрос сохранения духовности, образа Божия – это вопрос сохранения человека. С.Т. Аксаков пишет: «Совлекши с себя образ Божий, человек неминуемо совлечёт с себя и образ человеческий и возревнует об образе зверином...». Сегодня это прозрение сбывается буквально.

Столь же важным стало и открытие русской религиозной философии о том, что не мышление, а духовность является родовой деятельностью человека, и потому духовная деятельность является исходно-родовой деятельностью человека.

Немецкие деятели от Канта до Гегеля поняли деятельность как способ, форму и условие существования и развития человека. Величайшее открытие немецкой философии – познание как деятельность и познание как родовая деятельность.

Чтобы понять значение этого открытия, мы должны напомнить, что реальной характеристикой человека в западной философии, начиная с античной философии, является мышление. Человек – существо разумное. И это открытие было использовано в христианстве, в том числе и его великими богословами. Василий Великий пишет: «Разумность есть свойство человека, а слово: человек, означает самое животное, в котором есть сие свойство» (1,с.70). И в этом была своя логика – великие христианские учителя сформировались на античной философии, где мышление и было главной характеристикой человека.

И это понимание стало определяющим и для западноевропейской философии эпохи Просвещения. Г.В.Ф. Гегель пишет: «Только человек впервые поднимается от единичности ощущения к всеобщей мысли, к знанию о самом себе, к постижению своей субъективности, своего «я», – одним словом, только человек есть мыслящий дух. И этим – и притом единственно только этим – существенно отличается от природы. То, что принадлежит природе как таковой, лежит позади духа; правда, дух объемлет собою всю полноту содержания природы. Однако определения природы выступают в духе совершенно иначе, чем во внешней природе» (2,с.24).

Но в том и дело, что мышление составляет только часть духовной сферы человека. Поэтому исходной деятельностью человека выступает не познавательное, а духовное отношение с миром. И это отношение является исходно-родовым и исходно-определяющим потому, что именно оно связывает человека с Богом и миром.

Более того, сведение всей полноты духовности к мышлению, отождествление духовности с мышлением неизбежно ведет к сужению понимания самого мышления, так как оно сводит мышление к одной из сфер психики, и поэтому он сводит мышление на более низкий уровень его существования.

В противоположность этому подходу русская религиозная философия, в качестве исходной родовой деятельности человека выделяющая духовную деятельность, где мышление является одним из проявлений духовной деятельности.

Это открытие привело и к пониманию предмета духовной деятельности. Что является предметом, а значит и источником познания, мышления в западной философии? Мир, сущность мира. Что является предметом, источником и условием духовной деятельности? Бог!

Понимание, что дух является фундаментальной характеристикой человека, духовная деятельность – исходно-родовой деятельностью, исходным отношением человека к миру привело к пониманию, что религия – это не личная прихоть человека, а абсолютно необходимое условие бытия человека.

Следовательно, совокупность этих открытий и дает возможность по-настоящему понять человека в его сущности.

Поскольку духовность – это реальная сфера человека, подобно телесной сфере, умственным или эстетическим способностям, то она должна специально формироваться согласно своим особым – духовно-нравственным законам и нормам. А для этого необходимо специальное духовно-нравственное воспитание, подобно тому, как существует специальная система физического воспитания, умственного воспитания или образования. И поскольку духовность является исходной характеристикой, то духовно-нравственное воспитание является исходно-основополагающим видом воспитания в общей системе воспитания человека.

Отсюда и принципиально иное решение глобальных антропологических проблем. Укажем на две из них. Может быть, наиболее глубоко и всесторонне немецкая философия разработала проблему свободы. Вспомним олицетворение немецкого гения – философию Гегеля. Разработке какой проблемы он уделяет главное внимание? – Свободе. В чем смысл жизни человека? – Стать человеком свободным. В чем смысл истории? – Человечество в своем историческом развитии должно прийти к свободе. Вспомним олицетворение немецкого гения Гете: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой». Какая проблема самая важная для любого мыслителя, художника, писателя немецкого Просвещения? – Свобода! Почему? Потому, что достижение свободы, согласно немецким мыслителям, и есть смысл бытия человека и общества.

В своих трудах русские мыслители писали о свободе не меньше немецких. Да, свобода – это атрибутивная характеристика человека и общества, она есть нечто столь органично присущее человеку, как дыхание живому организму. Но они поняли, что в свободе нет положительного содержания. Свобода ни сама по себе, а свобода ради чего-то. Она, хотя и атрибутивная характеристика человека, но она средство. И потому свобода не может быть целью жизни человека. И русские мыслители сказали, ради чего существует свобода. – Ради спасения. Свобода не цель, а средство достижения спасения человека.

Немецкие мыслители по-настоящему сформулировали и решили проблему деятельности. Русская философия открывает в деятельности ее творческое начало. Фундаментальной характеристикой человека является не просто деятельность, а творческая деятельность. Творческая деятельность – это не некое исключение, даруемое особым избранным натурам, а норма бытия человека, поскольку суть творчества состоит в том, что Господь продолжает творение мира через человека. Поэтому принципиально важное значение имеет разработка проблем творчества в трудах В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка и др.

Таким образом, понимание духовности как определяющей сферы человека, а духовной деятельности как его исходно-родовой деятельности позволило русской религиозной философии дать более правильную трактовку человека, понять, что человек живет в системе духовно-нравственных законов.

В свою очередь, принципиально иное понимание человека привело и к принципиально иному пониманию отдельных сфер, отдельных форм деятельности человека.

3.3. Различие в понимании познания, мышления.

Значительный вклад русской религиозной философии в новое понимание человека состоял не только в открытии подлинной исходно-родовой деятельности человека – духовной деятельности, но и в том, что она кардинально иначе поняла и само мышление.

Важнейшее достижение западной философии, прежде всего немецкой, – разработка двух уровней познания, мышления. Немцы, доказав принципиальную недостаточность эмпирической теории познания, разработанной английской и французской философий, создали принципиально новую гносеологию, которая в первую очередь была направлена на постижение рационального уровня мышления. «Критика чистого разума» И. Канта и последующая философия, в том числе и «Наука логики» Гегеля – это обоснование рационального, дедуктивного способа постижения истины.

В чем состоял фундаментальный вклад русской религиозной философии в разработку теории познания?

В том, что русские философы, продолжая разработку западноевропейских учений, внесли свой существенный вклад в развитие теории познания. Они, показав, что мышление, разум – это часть духовной сферы человека, сумели выйти на принципиально иной уровень его понимания. Русская религиозная философия, начиная с В.С. Соловьева, доказала принципиальную недостаточность ограничения мышления только эмпирическим и рациональным уровнями. Она выявила, что за этими уровнями находится более глубокий – духовный – уровень познания. Собственно на этом уровне и происходит рождение знания, рождение понятия, самого понимания, самой идеи. А дедуктивный, рациональный путь познания – это уже понятийное, логическое выстраивание уже явленной человеку в духе истины, ее обоснование. Рациональная сфера начинает работать с понятием, когда у нее уже есть истина, обретенная духом. Поэтому духовное познание – это не нечто случайное, отдельные феномены (например, инсайт), а подлинная основа познания, – это основа познания человека вообще, без него невозможно человеческое познание вообще. Более того само эмпирическое и рациональное познание человека – это проявление познания духовного. Поэтому нельзя понимание мышления ограничить только его эмпирическим и рациональным уровнями, но необходимо изучать лежащий за ними и более глубокий – духовный уровень.

Выйдя на открытие этого уровня, русская философия дала принципиально иное видение мышления как единство эмпирического, рационального (теоретического) и духовного познания.

Поняв, что человеческое мышление не ограничивается рациональным пониманием, но за ним находится духовное познание, русская философия вышла и на необходимость Бога как необходимого условия постижения истины мира. И не только потому, что Бог творит мир, и человек живет в Боге, но и потому, что Бог есть источник знания.

Для Западной Европы, начиная с Декарта, главной задачей познания стало понимание как устроен мир сам по себе, и в этой связи как обустроить земную жизнь человека. Если уместно сравнение, то можно привести следующий пример. Западная философия, начиная с Р. Декарта, стала изучать мир сам по себе, так, как будто в нем нет Бога. Проще говоря, главным стал вопрос как устроен стол, а еще важнее (и это подлинный смысл и великая находка западноевропейского познания) решение вопроса: как сделать много столов, потому что они очень полезны?

В силу этого подхода современные ученые фактически являются атеистами, потому что для них как исследователей нет необходимости познавать Творца мира. В силу этого вопрос веры, вопрос религии для современного ученого – это вопрос, не относящийся к самой науке. Он аналогичен вопросу роли искусства в современном научном познании. Люблю или не люблю я искусство? Знаю или не знаю? – Это мое личное дело, моя личная жизнь, которые никого не должны волновать и которые никакого отношения к науке не имеют.

Установка российской религиозной теоретической мысли: для познания истины необходимо познать не только как устроен мир, но и Кто устроил мир, то есть для русской религиозной философии как раз важнейшим становится вопрос: Кто создал стол? И значит, как творил Творец стол? Заметим, что опасения В.Л. Гинзбурга в том, что если наука признает необходимость Творца, то это будет означать признание ее бессилия, совершенно обосновательно. Если я понял и признал, как устроен стол, да вдобавок и то, Кто и как его сделал, то я не только понял, что такое стол, но и как и Кем создан стол.

Таким образом, существование Бога есть не только условие творения мира, не только условие существования человека как человека, в силу того, что человек является духовным существом, но и условием существования мышления, потому что мышление есть открытие сущности мира, закономерностей мира, а значит есть понимание замысла Творца о мире. Причем этот замысел в конце концов открывается человеку Богом на уровне духовного познания человека, осознает или не осознает это сам человек. Инсайт, озарение – это и есть явления чисто духовного порядка.

Итак, принципиально новое понимание открытия в русской религиозной философии: истина открывается человеку прежде всего как духовному существу; истина, открываемая человеку, художнику, ученому, мыслителю есть нечто, даруемое

человеку Богом. А затем она осознается, формулируется, обосновывается; логически выстраивается, отрабатывается, проверяется.

Да, западная мысль понимает, что без интуиции не может быть открытия. – Крупнейшие ученые Западной Европы, начиная с Пуанкаре, Эйнштейна, Бора доказывали это. И много думали над проблемой интуитивного познания. Но как они решают эту проблему? Они приходят к выводу, что современная наука понять интуицию не может. И это действительно невозможно сделать в рамках западной философии, с ее двухуровневой – эмпирическое и рациональное – системой познания. А в рамках трех-уровневой концепции познания – можно.

Следовательно, русская философия, разработав принципиально иную, трех-уровневую: эмпирический, рациональный, духовный уровни, – концепцию познания, сумела не только выйти на принципиально новый уровень понимания мышления, но и ответить на вопрос: а что есть открытие в подлинном смысле этого слова.

3.4. Труд как творчество.

Важнейшая заслуга западно-европейской культуры – разработка идеи труда как родовой характеристики человека, нашедшая свое наиболее глубокое обоснование в трудах К. Маркса. Причем в его работах труд в качестве исходно-родовой деятельности человека противопоставлен познанию (мышлению). В его работах, работах его последователей получило глубокое обоснование идея, что не мышление, как у Гегеля, где труд, будучи практическим мышлением, является одной из ступеней развития мышления, а, напротив, труд является исходно-родовой деятельностью, порождающей мышление. Эта плодотворная идея дала значительный импульс развитию социальных и антропологических наук, в том числе и советских: С.П. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Э.В. Ильенков и др.

Русская религиозная философия, во-первых, не считает труд исходной родовой деятельностью. Во-вторых, как и в случае с мышлением, она же предложила свою интерпретацию труда, связанную с пониманием труда как деятельности, которая в своем развитии должно перейти в процесс одухотворения человека, «одухотворения самой природы» (В.С. Соловьев).

Важный аспект русской философии – в ней труд осмыслен как абсолютно необходимое условие нравственного развития человека и общества, как условие подлинного счастья человека и общества.

3.5. Нравственность как родовая деятельность

Немецкая философия вносит существенный вклад в разработку этической проблематики. Но при этом в западной философии нравственность – это составляющая другой деятельности, будь то познание, как у Гегеля, или практической деятельности, как у Канта

Русская религиозная философия, прежде всего благодаря В.С. Соловьеву, его фундаментальному сочинению «Оправдание добра», выходит на понимание нравственности как родовой деятельности, и благодаря этому оно дает сущностное понимание нравственности.

Русская религиозная философия осознала, что нравственность, как и духовность – это не часть и не составляющая какой-то другой деятельности, а это особая реальность, это особая сфера человека, особая форма его деятельности, подобно познанию и труду, и поэтому она должна быть понята в своей специфической сущности, в своем родовом значении.

В.С. Соловьев осмысливает нравственность как особую онтологическую реальность, и поэтому он определяет ее как родовое отношение человека с миром. При этом, если в познавательной и трудовой деятельности есть одно-единственное отношение – отношение субъект–объекта в их однозначной соотнесенности, то исходным в нравственном отношении, согласно В.С. Соловьеву, выступает триада отношений: отношение к низшему – стыд; отношение к равному – жалость; отношение к высшему – благоговение.

И если в западной философии в познании нравственности исходно нет Бога по определению, то у В.С. Соловьева Бог – это абсолютно необходимое исходное условие существования нравственности. Поэтому любое разрушение одного из фундаментальных оснований нравственности – стыда, жалости, благоговения – приведет к разрушению нравственной сферы человека. Благодаря этому видению В.С. Соловьев не только анализирует целостное развитие нравственности до ее высших уровней, но и показывает нравственность как абсолютно необходимое условие существования всех сфер человека от труда до воспитания.

Таким образом, в русской религиозной философии нравственность была понята как родовая, то есть совершенно необходимая и несводимая ни к какой другой форме деятельности, наряду с такими его фундаментальными формами как духовная деятельность, познание и труд.

3.6. Язык как «орган духовной жизни»

В рамках русской религиозной мысли было дано принципиально иное понимание языка. Западная Европа, начиная с Т. Гоббса, разрабатывает учение о языке как о некоей механической символической системе, созданной в результате социального договора. В сущности, язык здесь представляется неким продуктом и результатом познавательной умственной деятельности. При этом познание, мышление в их рациональной форме и есть языковое мышление. Вершина этих теорий – теория структурализма. Структурализм прежде всего родился в рамках изучения языка. И хотя немецкая философия, в лице В. фон Гумбольдта вышла на содержательно-смысловое понимание языка, но в западной науке это направление не было реализовано должным образом.

Напротив, русские ученые, и прежде всего И.В. Киреевский, А.А. Потенция, Ф.И. Буслаев, К.Д. Ушинский поняли, что язык и речь – это принципиально иное явление, нежели мышление само по себе, и уже тем более некая условная система. Это не одна из форм мышления – понятийное мышление, хотя язык и речь непосредственно и связаны с понятийным мышлением, но это совсем другая – и тоже родовая – форма деятельности.

Они стали понимать язык как живой духовный организм, как «орган духовной жизни народа» (К.Д. Ушинский). Язык – это плод духовной жизни народа, язык хранит в себе всю историю духовной жизни своего народа и развивается как духовное явление. Он живет, он развивается, он вбирает в себя инородные слова и делает их либо своими, либо выбрасывает из себя, как ненужное. Но главное – он развивается благодаря развитию народа, всех сфер его жизни, благодаря истории самого народа, и в то же время он хранит всю предшествующую культуру народа, духовную, художественную, педагогическую.

Отсюда и принципиально иной, нежели в западноевропейской философии подход к преподаванию языка. Насколько глубоко различается методика изучения языка, можно понять, сравнив взгляды Гегеля, полагавшего, что язык изучается как механическая система, и К.Д. Ушинского, полагавшего, что язык должен изучаться как духовное явление.

Таким образом, в русской религиозной философии дается не только иное исходное понимание языка, но и совсем другая концепция его изучения: если в современной методике, восходящей к западноевропейской философии, главной целью является развитие языкового мышления, то в методике русских деятелей – «развитие дара слова».

3.7. Воспитание как родовая деятельность

Русская религиозная философия дала и свое понимание сущности воспитания. Самое главное их открытие в области педагогики, особенно сравнительно с Западной Европой, – понимание воспитания как родовой духовной деятельности.

То, что воспитание является родовой деятельностью, глубоко обосновал Гегель. Он пишет: «Это противоречие между непосредственной единичностью и наличной в ней, в себе субстанциальной всеобщностью составляет основание жизненного процесса индивидуальной души, – процесса, посредством которого непосредственная единичность этой души приводится в соответствие с всеобщим, а это последнее осуществляется в этой непосредственной единичности, и таким образом первое, простое единство души с собой поднимается до единства, опосредованного противоположностью, и первоначально абстрактная всеобщность души развивается до конкретной всеобщности. Этот процесс развития и есть образование» (с.79).

Но в отличие от Гегеля, в качестве определяющей характеристики человека полагавшего мышление и ограничивавшего воспитание пределами земного существования человечества, русские религиозные мыслители, обосновывая духовное начало родовой характеристикой человека, выводили воспитание за пределы земного бытия человечества. Поэтому русская религиозная философия истинной целью воспитания считает подготовку человека для жизни вечной и уже в этом контексте и для жизни земной. «Ищите Царствие Небесное, и все остальное приложится» (Лк 12,31), а подлинным идеалом воспитания выступает Бог: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф 5,48). Эти непреходящие христианские заповеди русская педагогика обосновала в качестве главной цели воспитания.

Отсюда две принципиально разные системы воспитания и образования: в одном случае – подготовка к исполнению земного предназначения человека, а значит принципиальной ограниченности развития человека, в другом – подготовка не только к жизни земной, но и жизни вечной, а значит развитие человека во всей его полноте.

Подчеркнем, только в последнем случае и становится понятной и необходимой вся полнота духовно-нравственного формирования человека. А значит в одном случае – приоритетом воспитания становится интеллектуальное образование, а в другом – духовно-нравственное воспитание.

Да, современный человек должен исполнять ту или иную социальную функцию, но человек прежде всего должен сформироваться как человек и быть человеком во всей его полноте. Непосредственно в самой практике современного воспитания это выражается в том, что современная школа прежде всего и более всего формирует интеллектуальные способности человека.

Теория? Теория! Однако очень практичная. Простой вопрос. Как представлено в школе духовно-нравственное воспитание? Либо никак, либо, в лучшем случае, как дань исторической традиции – преподаванием Закона Божия в западноевропейских школах. Пренебрежение духовно-нравственным развитием человека в современной школе – это случайность? Конечно же, нет! С точки зрения западноевропейской философии смыслом развития современного общества является научно-технический прогресс. А зачем формировать духовное начало в человеке, если оно не имеет никакого значения для общества? А тогда зачем духовное содержание в школьном образовании? И поэтому блок научных предметов доминирует в содержании образования. Конечно, это взгляд на современное образование с социальной стороны.

Однако, если мы посмотрим на учебный план сегодняшней школы с точки зрения современной антропологии, то есть понимания устройства человека, то мы увидим, что существующий состав школьных предметов опять же прежде всего развивает те стороны человека, которые современная наука видит в человеке. Современной науке человек известен с телесной и психической, и особенно рациональной стороны. И поэтому практически все образование направлено на формирование телесной и психической сторон, прежде всего интеллектуальной части психической сферы.

В то же время духовного начала, с точки зрения современной антропологической науки в самом человеке нет. А как можно формировать в человеке то, чего в нем нет?

Отсюда становится понятным, почему духовно-нравственное содержание закономерно отсутствует практически во всех учебных планах всех школ мира или представлено самой незначительной его частью. А в результате получается, что собственно человеческое в человеке не развивается. Или развивается? Но тогда на каком содержании это делается? А если этого содержания нет, если в учебных планах времени на это самое духовно-нравственное воспитание не предусмотрено, то скажите, как развивается человек духовно и нравственно? А нужно ли современному человеку духовно-нравственное развитие? Безусловно. Потому что без них мы не формируем исходно-определяющее начало в человеке.

Таким образом, принципиально иное понимание человека дает основу и для принципиально иного понимания и построения воспитания в целом и его отдельных видов от духовного до эстетического. Соответственно, своими педагогическими

открытиями русская религиозная философия возвращала русское воспитание в христианское цивилизационное пространство.

4. Решение социальных проблем в русской религиозной философии.

Третье и не менее глобальное открытие русской религиозной философии, после открытия Бога и человека – органично-целостное понимание общества. Собственно проблему познания социума как органической целостности наиболее глубоко поставила немецкая философия. Россия поняла, что на самом деле решить эту проблему можно только изучая духовное пространство социума, потому что именно духовное начало и делает общество человеческим обществом, именно оно создает фундаментальную основу единства общества, а уже затем совокупность других отношений общества: культурных, языковых, экономических и т.д.

Русская философия показала, что социум – это целостная реальность, несводимая к механическому конгломерату, составляющих ее элементов, кем бы и чем бы этот конгломерат не был представлен: совокупностью людей или социальных институтов, соединенных внешним образом, будь то договор, правовая идея, понимание большей пользы от совместной жизни, даже грубая сила и т.п.

Социум – это такая же органическая целостность, каковой является любой живой организм. При таком понимании становится ясной та непреложная истина, что только в социуме возможна жизнь отдельного человека. Вне социума человека не может быть вообще. Даже совершенно замкнутый человек остается частью социума, и даже совершенно одинокий человек является частью общества, поскольку он есть социальное существо.

Русские мыслители разработали принципы осмысления сверхсложных социальных систем. Начало разработки этой идеи положил Н.Я. Данилевский своим учением о культурно-исторических типах, как важнейшей характеристике развития сложного человеческого сообщества. Идея, которую в XX веке переоткрыл О. Шпенглер, в большей мере – А. Тойнби.

Отсюда, в-третьих, принципиально иной подход к пониманию истории человечества. Немецкая философия сделала предметом познания сущность истории, она стала искать смысл истории, а не только изучала историю, чтобы историческими примерами подтверждать те или иные положения своих учений, или по крайней мере восстановить историческую картину развития человечества, общества. Но в чем смысл истории, то есть развития человеческого общества для Гегеля? – Осуществление свободы. Смысл исторического развития человечества в том, чтобы дать свободу каждому человеку.

В чем смысл истории в трудах русских религиозных философов? – Спасение. Человечество должно спастись. Но это можно сделать опять же в Боге. Одно из выражений этого идеала – идея русского космоса. Н.Ф. Федоров обосновал идею выхода человечества в космос, как возможность спасения всех людей в силу ограниченности земных ресурсов. Его ученик К.Э. Циолковский занимался уже вопросом создания технологий реализации этой идеи.

Очень важна основная идея русской религиозной философии о действии Промысла Божия в истории. Есть две силы в историческом процессе, в судьбе каждого человека: Промысел Божий (в отличие от гегелевского Всемирного духа) и устремленность самого человечества, того или иного социума, страны, народа, государства к реализации той или иной идеи, цели.

В контексте своеобразия решения этих фундаментальных проблем, мы видим коренные различия в решении буквально каждой фундаментальной социальной проблемы. Например, если Западная Европа в рамках своих теоретических изысканий представляла революцию как способ разрешения неразрешимых социальных противоречий, то русские деятели показали, что революция – это не разрешение социальных противоречий, а катастрофа.

И, может быть, самое главное. Русские философы намного раньше западных (О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Бьюкенена и др.) поняли гибельность западного пути развития человечества. Уже начиная с И.В. Киреевского и А.С. Хомякова, русские мыслители осознали гибельность пути, избранного Западной Европой. А К.Н. Леонтьев вполне осознал и достаточно точно описал грядущий кризис Запада и Западной цивилизации. И российской, слепо за ней идущей. Ф.М. Достоевский просто наглядно представил будущие революционные потрясения России – «Бесы». Праведный Иоанн Кронштадтский буквально расписал сценарий гибели человечества. И такой же сценарий в одно время с Иоанном Кронштадтским раскрыл – «Три разговора» – В.С. Соловьев.

Следовательно, русские философы гораздо раньше и куда лучше Европы осознали весь трагизм развития западноевропейской цивилизации, и российской, развивающейся с Петра I в рамках европейской цивилизации. И при этом гибельность западного пути развития общества они увидели в самой его сущности.

Сегодня активно обсуждается вопрос: удались или нет Петру I его реформы? Можно спорить о конкретике. Но важно понять главное: Петру I удалось решить главную задачу: он переставил развитие России – от армии до науки – на путь западного развития. Со всеми его плюсами и минусами.

Запад дал человечеству идею прогресса вообще, научно-технического прогресса в частности; идею, ставшую определяющей в развитии человечества в Новое время. Русские мыслители поняли, что прогресс сам по себе **без прогресса человека и человечества в Боге** – это катастрофа. Поэтому, понимая катастрофичность развития европейской идеи, в противоположность своим западным коллегам они разрабатывали *идею преображения*.

Русские мыслители поняли: решение любых проблем **без преображения самого человека и социума в Боге** не только не решит ни одной значимой социальной проблемы, но и напротив, – усугубит их. Поэтому прежде всего необходимо всестороннее совершенствование самого человека и общества в Боге, потому что без Бога задача совершенствования человека и общества не имеет решения. Ни смыслового. Ни содержательного. И только в процессе духовно-нравственного совершенствования возможно оптимальное решение всех других социальных проблем, преображения условий существования человека, в том числе и преображения природы. Поэтому русские мыслители предложили миру идею

духовно-нравственного и социального преобразования человека и социума в Боге, и уже на этой основе идею преобразования социальной и природной среды жизни человека.

Подчеркнем, русские мыслители отвергали не идею прогресса как таковую, в идею прогресса без Бога, без преобразования в Боге самого человека. И как положительную альтернативу западноевропейской концепции прогресса они разрабатывали идею преобразования человека и человечества в Боге.

Еще одна фундаментальная проблема – проблема социальных отношений. Оптимальную систему социальных отношений на Западе видели в идее индивидуальной конкуренции. Только дайте свободу и установите законы, по которым люди могли бы действовать так, чтобы не вредить друг другу, да просто элементарно не перебить друг друга. Высшим проявлением этой формы отношений является демократия. Ее наиболее истинная форма есть обоснованный в разных формах категорический императив западной системы социальных отношений: действуй как хочешь, чтобы достичь своих интересов, но твои действия не должны приносить зла и вреда другим. И сама система отношений должна быть такой, чтобы не вредить другим, и если будет возможно, то и приносить пользу.

Русские философы обосновали другой принцип отношений между людьми – принцип соборности. Соборность – это не только отношения людей между собой, но и отношения людей с Богом. И эти отношения возможны только в том случае, если есть Бог, и есть Церковь как богочеловеческий организм на земле, которые и объединяют всех людей в любви. Отсюда понимание, что подлинное единство людей возможно только в Боге и Церкви, и только в этой системе отношений люди являются братьями.

Отсюда, принципиально иное понимание и отношение к собственности. В отличие от Запада, где ключ к решению всех социальных вопросов увидели прежде всего в разрешении проблем собственности, русские мыслители поняли, что самые главные проблемы для человека, как бы это не казалось самому человеку, вовсе не вопросы собственности, и даже не материальные вопросы в целом, а духовно-нравственные. И не решив эти «проклятые вопросы», человечество не сможет решить и проблемы материальные, в том числе и вопросы собственности. Это вытекало из главного понимания: материальные проблемы – это только верхний слой проблем человека и человечества. Глубинные проблемы – проблемы духовно-нравственные, затем социальные, а уже затем материальные. При этом русские мыслители разработали идеи устройства жизни общества на основе православных принципов хозяйствования. В частности, идею православного хозяйствования разработал прот. Сергей Булгаков.

Еще пример. Что такое государство в западной культуре? Социальное явление, продукт социального договора, машина для согласования взаимных интересов, в худшем случае – для подавления одного класса другим. Высшая точка понимания государства, сформулированная Гегелем: государство – нравственная идея. Что такое государство для русской религиозной философии, например, для Л.А. Тихомирова? – Государство есть не только некий социальный орган, но орган, в котором действует благодать Божия. Фундаментальное открытие, которое до сих пор не понято и не осмысленно. Даже просто не известно.

Таким образом, принципиально иное исходное видение общества дает принципиально иное решение всех проблем бытия и развития социума.

5. Зачем русская религиозная философия современной России?

Можно существенно расширить сравнительный ряд решения фундаментальных философских, антропологических и социальных проблем, разработанных в русской религиозной философии. Но он будет показывать только одно: русская религиозная философия в силу принципиально иных оснований своего теоретизирования дает кардинально другие решения всех фундаментальных проблем, нежели западноевропейская. Причем эти решения принципиально в пользу русской философии.

Но возникает вопрос: зачем эта философия нам сегодня? Ответ на этот вопрос очевиден. Философию прежде всего изучают ради философии, как искусство ради искусства и науку ради науки. И чем более значимо то или иное явление, тем большая потребность в его изучении, его освоении.

Русская культура эпохи Просвещения и ее религиозная философия не только встали в один уровень с величайшими достижениями человечества: эпохой античной классики, эпохой Возрождения, эпохой западноевропейского Просвещения, но они и предложили что-то, что превосходило высшие достижения этих эпох. Поэтому эту эпоху, даже если не будет России, и на Земле не останется ни одного русского человека, уже навсегда обречено изучать человечество, если оно еще будет в состоянии постигать высшие достижения человеческого духа. И поэтому русская религиозная философия всегда будет изучаться в мировой философии «доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит».

Сегодня же самое главное состоит в понимании, что значимость этого в русской философии не исчерпывается чистым теоретическим интересом. У нее есть и не менее важный практический аспект, который имеет самое непосредственное отношение к современной России.

Если попытаться ответить на вопрос: в чем состоит значение этой философии для современной России, ответ будет прост и даже наивен: русская религиозная философия, вместе с культурой эпохи Русского Просвещения есть абсолютно необходимое условие жизни нашего народа.

С этих позиций прежде всего укажем на то, что принципиальное отличие русского Просвещения от западного состоит в том, что Россия не услышала своих гениев или услышала не тех гениев. На Западе общество все-таки выбрало свой путь развития на основании учений своих великих мыслителей. Правда, и здесь вопрос – в какой мере Западная Европа развивалась на основании учений своих философов? В результате российские религиозные мыслители не были услышаны ни в России – в своем отечестве пророков нет, ни тем более на Западе, привыкшем свысока смотреть на всех, кроме себя. А между тем, русская религиозная философия давала решение главных фундаментальных философских, социальных и антропологических проблем, решение которых позволяло России развязать клубок ее многих неразрешимых проблем. Не вышло...

Россия, сделав на десятилетия марксизм идеологической основой своей жизни, выбрала чужое. Подчеркнем, ошибка заключалась не в том, что страна выбрала чужое. Это великое благо, если страна, выбирая чужое, выбирает истину. Ошибка заключалась в том, что страна не поняла истину тех решений, которые давали России ее великие деятели в своих прозрениях. Она не услышала истинные ответы на самые глубинные вопросы своей жизни и даже жизни всего человечества.

И это неслышание своих гениев, какая-то невероятная неспособность российского общества слышать своих пророков, – может быть, главная беда России XIX-XX веков. Разве не спрогнозировал весь ужас революции в России Ф.М. Достоевский? И разве его прогноз не был более точным и глубоким, нежели прогноз всей материалистической философии Запада и России вместе взятых? Разве не спрогнозировал современное состояние общества Вл.С. Соловьев? Или праведный Иоанн Кронштадтский?

И поэтому сегодня важно понять – мы должны вернуться к мировоззрению, сформированному в полноте всей русской культуры эпохи Просвещения: художественной, духовной и теоретической. И не потому, что они наши, а потому, что они истинны. При этом, безусловно, мы должны сочетать русскую религиозную философию с русским богословием этого периода, потому что по большому счету они решали один круг проблем, и нередко решения были совпадающими, хотя при этом сама аксиоматика, сам способ решения проблем были разными.

Именно поэтому сегодня нам надо целостно вернуть русскую религиозную философию в нашу жизнь, в нашу культуру, в наше образование. Россия должна использовать этот колоссальный потенциал в решении современных проблем. Каких? О большинстве из них мы сегодня имеем только самое приблизительное представление.

Чтобы понять, хотя бы почувствовать значение русской религиозной философии для современной России, мы должны вернуться в 1917 год, который стал тем годом, когда революционная стихия выбросила Россию из ее исторического пространства и вбросила в совершенно новое цивилизационное пространство. И лучшие умы России, не только политики, но и художники это прекрасно, если не поняли, то почувствовали, предельно четко сказав словами В. Маяковского: «Дул, как всегда, октябрь ветрами. Рельсы по мосту вымевив, гонку свою продолжали трамы, уже — при социализме».

Но очень скоро оказалось, что новая Россия, чтобы выжить, должна была соединиться со старой Россией, продолжить историческое развитие России. И вот поэтому после 17 года Россия советская стала мучительно сращивать себя с Россией дореволюционной во всем, даже в том, в чем она дальше всего оторвалась от прежней культуры – Православием.

Можно по-разному оценивать значение дореволюционной российской культуры для развития советской культуры. Но важнее понять другое – советская страна буквально в первые месяцы своего существования осознала, что нельзя построить новое общество без опоры на достижения предшествующей культуры. И нужна великая культура, чтобы решать те задачи, которые советское государство ставило. Но чтобы это стало возможно, надо было вернуться ко всей полноте классической дореволюционной культуры. И Советский Союз возвращается к этой культуре. И благодаря этому создает самую великую в мире культуру XX века от литературы до образования. Советский Союз стал действительно самым великим культурным государством XX века.

Так революционная Россия вопреки разрушительной стихии революции, разрушительной воле самих революционеров, вопреки самой революционной большевистской партии, вопреки рядку ее лидеров, например Л.Д. Троцкому, стала возвращаться к своей традиционной культуре, и по крайней мере, правящие руководители поняли: без прошлого нет будущего. И уже Ленин сформулировал слова, ставшие определяющими для большевистской партии: «Коммунистом можешь стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые человечество уже выработало» (Речь на III съезде Комсомола).

Но каким же трудным, каким противоречивым, каким невероятно сложным и каким кровавым было возвращение этой культуры. За издание сказок в 20-е годы расстреливали. И все-таки вопреки всему шло возвращение русской культуры и к русской культуре. Раньше всего, шаг за шагом – от сказок до Достоевского – вернулась художественная культура.

И насколько этот процесс соединения со своей предшествующей культурой был жизненно значим для жизни страны, свидетельствует то, что дважды при советской власти воскресла Русская Православная Церковь. В годы Великой Отечественной войны и в конце 80-х годов.

Первый раз Церковь возродилась в 1943 году, а фактически 22 июня 1941 г. Когда либеральные мыслители говорят о том, что в 1943 год И.В. Сталин легализовал Церковь потому, что ему предстояли переговоры с англичанами, то это элементарное непонимание сути произошедшего. Да, вопрос Церкви мог стать вопросом преткновения в переговорах с англичанами. Но сам по себе в тех переговорах он равным счетом ничего не значил. Это был десятый вопрос для англичан, в лучшем случае какая-то формальная зацепка, которую Сталин легко бы обошел, по крайней мере без труда разыграл бы нужный для переговоров фарс.

На самом деле официальное признание Церкви и ее возрождение стали возможны потому, что в самые лютые годы гонений своей молитвой к Богу и своей молитвой за свой народ Церковь в очередной раз вымолила Россию, она в очередной раз доказала, что Россия не может жить без своей Духовной Матери. И Сталин, как настоящий политик, это понял и легализовал Церковь. Поэтому произошло подлинное возрождение православия, что выразилось в открытии большого числа храмов, восстановлении церковной иерархии, системы духовного образования.

Во второй раз Церковь вновь возродилась после хрущевского погрома уже на излете Советского Союза, в год своего тысячелетия при М.С. Горбачеве. И если о Сталине можно спорить, был или не был он верующим, то Горбачев точно был атеистом. Но Церковь возродилась. Почему? Потому, что была жива и потому воскресла. В соответствии со словами Спасителя: «Созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют ее» (Мф 16,18).

Итак, Церковь дважды возрождалась в Советском Союзе. И это, несмотря на то, что Церковь, во всей полноте своего церковного народа после 1917 года взошла на Голгофу. Да, с 1918 года началось возвращение русского народа, и прежде всего интеллигенции в Церковь. Да, Патриарх Тихон был почитаем народом не меньше, чем Ленин. Но было уже поздно.

Россия после 1917 года оказалась в совсем другом, – атеистическом пространстве. И в этом была своя глубокая закономерность. – Россия с XVIII в. все время уходила от христианства. И не только образованное общество.

Вообще, насколько далеко ушла Россия от Бога в начале XX века можно понять, размышляя над двумя коренными фактами нашей истории. В эпоху смуты начала XVII в. Россия слышала Патриарха Гермогена. В эпоху смуты начала XX века Россия Патриарха Тихона не слышала. А ведь он и был голосом пророка, возвещающего спасение России.

Насколько это неслышание вообще было нормой, можно понять из рассказа о последней встрече К. Леонтьева и Л. Тихомирова. Они, понимая, что Россия катится в революцию, полагали, что выходом и спасением России может быть только союз монархии с социализмом. Кто бы их услышал? Кто бы их вообще слушал? Ведь даже Д.И. Менделеева, буквально взывавшего о недопустимости разрыва интеллигенции с религией, в начале XX века уже никто не слышал и не слушал.

Но почему дважды возрождалась Церковь? В этом была своя абсолютно жизненная необходимость. Первый раз Церковь возродилась в период величайшей военной угрозы. Второй раз – накануне развала страны в начале 90-х гг. Нам еще предстоит понять роль Церкви в том, что страна в ходе страшнейших потрясений все таки не сорвалась в пучину гражданской войны.

Но если понятно, зачем дореволюционная культура для нашей страны, Православная Церковь, то в чем смысл возвращения религиозной философии?

Русская религиозная философия стала возвращаться только в конце 80-х гг. И только тогда стало возможно ее осмысление. Даже в случае, если тех или иных деятелей и не запрещали. Когда стали писать о религиозных взглядах К.Д. Ушинского? Только в 90-е годы.

И тем не менее уже в эти годы религиозная философия стала мировоззренческой основой, удерживающий нашу страну от развала; духовно-нравственным вектором, направляющим ее развитие в позитивное русло.

Однако настоящее значение, настоящая востребованность русской религиозной философии становится понятной по мере осознания, что главная проблема, которая все острее будет вставать перед человечеством, – это не деградация окружающей среды и не оскудение природы, а деградация и разрушение человечества и человека. И вот по мере осознания этой проблемы все острее будет чувствоваться потребность в русской религиозной философии, начиная с ее целостно-интуитивного метода познания. Если главным в философии, согласно Гегелю, является ее метод, то важнейшее достижение русской религиозной философии состоит в том, что она создала метод, позволяющий решать проблемы, не решаемые в рамках формализуемых логик.

На содержательном уровне самое великое открытие русской религиозной философии – Бог. Это исходная точка ее понимания мира, человека, социума. По сути, Россия – это не только главный и колоссальный пример и урок для всего человечества: ничего нельзя построить без Бога. Советский Союз стал наглядным уроком того, как можно иметь величайшие достижения и превратить все в прах, отказавшись от Бога, начав войну с Богом.

Однако русская религиозная философия дает нам богатейшее пространство решения социально-антропологических проблем в Боге. Прежде всего, она дает нам подлинное мировоззрение. Именно философия формирует мировоззрение. В свое время П.В. Копнин писал, что мировоззрение может формировать либо философия, либо богословие. Но здесь нужна одна существенная оговорка: философия может быть атеистической, оккультной и религиозной, и поэтому она может формировать очень разные мировоззрения. Русская религиозная философия формирует религиозное, а потому целостное мировоззрение. А это мировоззрение дает самое главное – понимание, что мы живем не только в мире физических, применительно к обществу, не только экономических законов, но и в системе духовно-нравственных законов. И люди не только не должны преступать эти законы, но напротив, обязаны соблюдать их, как они, зная или не зная, соблюдают законы физические.

Благодаря этому она дает правильное представление о человеке и обществе в их взаимодействии с Богом, где Бог является абсолютно необходимой основой их существования.

Это целостное видение мира позволяет найти принципиально новое решение и фундаментальных проблем современного деградирующего общества. Самое значимое – это видение общества не как механического набора отдельных сфер, а как целостного духовного организма. И целостное видение человека в его духовно-материальном единстве. А это видение может дать основу плодотворного решения всех глобальных антропологических и социальных проблем.

Литература:

1. *Творения иже во святых отца нашего Василия Великого. Часть I. Беседы на Шестоднев.* – М., 1991. – С. 70.
2. *Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа.* – М., 1977. – С. 24.
3. *Там же.* – С. 79.